

ЗАСЛОН

Литрес

Екатерина Косьмина

цельнометаллический
ЧЕЛОВЕК

Екатерина Косьмина

Цельнометаллический человек

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69283033

SelfPub; 2023

Аннотация

В бездне Курило-Камчатского желоба терпит бедствие инновационная геологоразведочная АПЛ. Инженер-конструктор должен спасти подлодку и оказавшегося на ее борту брата раньше, чем случится экологическая катастрофа.

Екатерина Косьмина

Цельнометаллический человек

Дух захватывает, как на аттракционе с резинкой над пропастью. Потом Павла вбивает в увитую трубами переборку. Грохот такой, что кажется, уши взорвались. Следом взывает сирена, – и замолкает, захлебнувшись на самой высокой ноте.

Ледяная вода хлещет в лицо. С задержкой срабатывает аварийная система, металлически лязгнув, люки задраиваются. Как гильотины, обрубают сообщение между отсеками.

Боль давит, мешая пошевелиться. Даже согнуть палец страшно. Или пальцы не гнутся, потому что его поломало? Павел осознает себя лежащим в воде. От сильнейшего удара потемнело в глазах. А, нет, это вырубилось штатное освещение. Тьма кромешная, неопишимо плотная. Кажется, в ней существует только испуганное сознание Павла, теперь вовсе без тела. «На том свете», – вроде, так говорят?

Света нет. Здесь ничего уже нет...

Холодно. Мысли расплзаются, не удержишь. Должно быть, влетел головой в какой-нибудь вентиль.

«Один. Два. «Три», – считает Павел. – «Четыре».

Если аварийное освещение сейчас не включится, значит, он мертв.

«Пять».

Отсек заливает красный свет ламп. Мутный какой-то, или это пелена на ресницах? Павел со стоном проводит мокрой ладонью по лбу и глазам. Удивительно: рука еще двигается. На прыгающих пальцах остается пятно. Он поражается яркости собственной крови.

– Живой, – всхлипывает Павел. Нужно поднять себя на ноги.

– Вас беспокоят по поводу Вашей супруги.

Петр дергает уголком рта. Он ненавидит, когда люди не представляются. В другой раз не удержался бы от замечания, но сейчас ему наплевать. Пусть хоть матом в трубку кричат, лишь бы сказали что-нибудь обнадеживающее.

– Какие прогнозы?

– Недели две, Петр Ильич. Может, чуть меньше. Нам обещали оптовую поставку комплектующих. После этого мы сможем помочь. Будем держать Вас в курсе.

Петр лихорадочно прикидывает, можно ли ускорить процесс. Пожалуй, что нет. По крайней мере, нет ничего, что он не попробовал. Предлагал деньги, жал на административный ресурс, тормозил нужных людей... Бесполезно. Нужно пережить эти оставшиеся недели.

С Соней ничего не случится. Хуже, чем сейчас, точно не

будет.

– Ясно.... Покажите ее.

Экран переключается в режим прямого эфира. Накрытая до ключиц простыней, Соня лежит на каталке. Камера на нее наезжает, безжалостно демонстрирует холодную, отстраненную красоту. Губы у Сони синие, на лбу повязка как у покойницы.

– Достаточно.

Видеть жену такой невыносимо. Петр прерывает трансляцию и бьет кулаком по панели. Легче не становится. Экзоскелет оставляет на пластике скол.

«По крайней мере, Соня не чувствует. Мне за нас двоих больно».

Мысль заставляет невесело ухмыльнуться. «Нас двоих». Мило.

Не нужно быть гением, чтобы сообразить, как смотрят на таких как Петр. Попутал берега, заигрался в любовь и семью. Ему уже не раз предлагали слетать на материк. Мол, там достаточно девушек, похожих на твою Соню. Проветрись на выходных, и возвращайся работать.

Хотя, по правде, это верхушечка айсберга.

Петр ненавидит их взгляды. Неизвестно, что хуже, сочувствие или когда они пытаются спрятать глаза. Косятся исподтишка с отвращением, хуже того, с плохо скрытой брезгливостью. Хочется врезать им кулаком, сжатым с помощью экзоскелета. Сколами не обойдется.

Примитивные мысли... Ну, так он на Камчатке. Здесь все настоящее.

Вчера Петр увидел в Потоке, как лоснящийся тип разглагольствовал: «Мы живем в толерантном обществе, в прогрессивной культуре, мы сохранили ценности и моральные ориентиры». Ха-ха.

Инвалид везде инвалид. Человек с ограниченными возможностями. Недочеловек, если называть вещи собственными именами. Хотя, люди не вещи, – люди хрупкие кости, плоть да немножко души. Вроде, это отличает своерожденного от машины.

Быть калеккой весьма неудобно. Нужно раз за разом доказывать, что не зря занимаешь место другого, здорового, которому из-за тебя не разрешили родиться.

От тяжелых мыслей отвлекает вид за окном. Беспилотный мобиль проезжает мимо медведя. Зверь возвышается на задних лапах, огромный, как иркуйем. Петр аж изворачивается, пытаясь рассмотреть медведя получше. Ему не приходит в голову остановиться.

Дикие места. Здесь до сих пор сохранилась природа. Тут нет небоскребов, нет потоков людей, нет андроидов, робокурьеров, нет разнообразных машин, дронов и черт знает чего, что периодически валится на головы. Тут ветер швыряет в лицо запахи водорослей и океана. В этот суровый край съезжаются те, кого как только не называют. Например, айфонниками, староверами, иногда даже ретриками. Они обустрани-

ивают быт по меркам начала двухтысячных. То была прекрасная в своей наивности эпоха: всемирная паутина, где каждый мог публиковать что угодно, и всему верили, первые нейросети, ранняя нанoeлектроника, все простенькое и примитивное. На Камчатке староверы-айфонники бесконтрольно рожают детей, не заботясь о том, где те будут работать, по старинке возделывают сложные почвы, плодят оленей, охотятся и рыбачат.

Собираясь сюда, Петр представлял, что увидит северное сияние. Оказалось, небо залито рыжим заревом айфонниковых теплиц.

Петр главный инженер в одном из самых перспективных подразделений АО «ЗАСЛОН». Сотни тысяч нанороботов его разработки трудятся на благо страны. И за это ему замечательно платят.

– Работа мечты. – Говорит Петр, когда требуется приосаниться.

Работа мечты перебросила его из субтропического Сочи в Русийград, закрытое поселение на берегу Тихого океана. Раньше Петр считал, будто нет на свете того, что человек не успел изменить под себя и использовать для собственной выгоды. Но вот она, неприступная глубина. Здесь над сейсмоукрепленными домиками возвышаются вулканы и сопки, нереальные, как голограммы. Петр планировал взять отпуск, чтобы они с семьей летом изучили окрестности. Чтобы малышки визжали и тыкали пальчиками в обзорное стекло

вертолета.

Но уже август. Все наперекосяк.

Дышать трудно. А что, если из строя вышла установка автономной генерации кислорода?

От одной только мысли начинает подташнивать. Воздух густой, воняет металлом, маслом и морем. Температура забортной воды градуса два или три. Ощущается как жернова, дробящие суставы и кости. Воды, к счастью, немного. Держится едва выше щиколотки. Но одежда успела насквозь промокнуть, и от этого еще холоднее.

Жалея себя, Павел стонет. Эхом скрипит титановая обшивка прочного корпуса «Санкт-Петербурга». Протяжный металлический гул пробирает аж до самой изнанки души. Словно подлодка живая, ей тоже больно, она погибает... Павел замирает, прислушиваясь.

Теперь ему мерещится капель. Капает неспешно, размеренно.

Кап. Кап. Кап. И опять. Кап. Кап. Кап. В разных местах. Легкий корпус подтекает. Вода прибывает с каждым мгновением. Соленая, мертвая, она убьет за десяток кошмарных минут. А может, даже тонуть не придется, – он попросту на смерть замерзнет.

Два-четыре вдоха. Судорога, жжение, потом затяжная агония.

Медицинские чек-апы, тотальный контроль рождаемости,

нанотехнологии, искусственный интеллект... Все возможности нового века. А у человека по-прежнему четыре вдоха до смерти.

Нет! Павел не может остаться в отсеке один. Где Иван Сергеевич, Раиль Краснонос, где мичман Розенфот? Где веселые ребята-андроиды? У них программа: в форс-мажорной ситуации спасти людей на борту. Почему остальных вообще не слышно?

Павел слепо цепляется за оранжевый ящичек ЛОХ. Фокусирует на нем взгляд и отшатывается. Бред какой-то, ему что-то нужно тушить? Здесь и так скоро наберется воды по колено.

...Три недели назад Павел получил последнюю визу на допуске. Нужно было держать лицо, и только в робомобиле он позволил себе триумфально сжать руку, кричать и потрясать кулаком, пока не ударился локтем о подлокотник. От собственного мальчишества сделалось стыдно, Павел молча растер ушиб. Улыбку у него так и не получилось убрать.

«Должно быть, у вас хороший день», – нейтрально заметила тогда бортовая система. «Включить веселый плейлист?»

Павел согласился на самый веселый из всех. Подумать только, недельное пребывание на подлодке! Круиз детской мечты. Так сказать, полное погружение в проект всей своей жизни. Аналоговое погружение, не какая-то жалкая виртуальная реальность.

А теперь «Санкт-Петербург» обездвижен после аварии.

По ощущениям кажется, будто лежит на банке, с заметным наклоном вперед. Но курс проложен над бездной Курило-Камчатского желоба. То есть, прямо сейчас грунта под ними быть не должно. Не на спине же они у сказочного гиганта-кита? За пару минут до аварии глубиномер показывал тысячу триста метров, Павел как раз на командный пункт заходил.

Не может же Павел быть таким идиотом, чтобы в курсе запутаться. Или все-таки может? Очевидно одно. Даже он, Павел, – то есть, лопата и обморок, а если понятным словом, то и вовсе салага, – даже он знает, что живучесть «Петрухи» рассчитана на тысячу восемьсот метров. Так что «Санкт-Петербург» точно не глубже.

И все-таки, что с ними случилось?! Авария? Саботаж? Происки конкурентов? Сдетонировал находящийся на борту оборонный комплект? Или торпеда Соединенных тормознула им разработку?

Конечно, проект у всех на слуху. СМИ растрезвонили: это лучшее, что придумано отечественными умами. Русий новая нефть. Чистая энергия...

Вот так. Люди по-прежнему кормятся из недр планеты. Земля дает пищу для технологий, которые ее же и разрушают. В отличие от зеленых, Павла эта тема мало волнует. Таков порядок вещей. Он в этом порядке на своем месте. Приносит пользу стране, обществу, да и себя с братом не забывает.

Павел Горяев начинал простым инженером-тестировщиком. Теперь его считают самым перспективным топ-менеджером АО «ЗАСЛОН». Ведь он в сжатые сроки провернул невозможный проект. «Санкт-Петербург», – «Петруха», как гражданскую субмарину прозвали на верфи, – первая экспериментальная подлодка особого назначения, построенная с применением технологий, разработанных специалистами акционерного общества. Субмарина предназначена для разработки редкоземельных металлов в недрах Тихого океана, на глубинах, к которым прежде было не подступиться.

Не оскуднела щедрость Земли-Матушки. В российских территориальных водах нашли породу, из которой смогли синтезировать русий, ставший тем самым, сто двадцать шестым элементом таблицы Менделеева. Чашей Грааля нового времени.

Но теперь субмарина на дне, вместе со всеми надеждами. Как будто какая-то гадина нажала на кнопку «смыв». Смыла семь лет ударного труда, миллиарды потраченных денег... Смыла дело жизни Павла. Его охватывает отчаяние: проект М216 жесточайшим образом откатился назад. Второй образец, атомная подлодка «Москва», будет готова к концу следующего года, не раньше.

ТЬФУ ТЫ! О чем только он думает?

Должно быть, это легкая форма контузии. Путанность сознания, заторможенные реакции... Нужно спасти свою шкуру, а Павел в мыслях витает, ухватившись за разветвлённую

в форме трезубца трубу.

Он снова вытирает кровь с лица и прислушивается: различимы звуки капли, стоны обшивки, какие-то шорохи, гул, зловещее шуршание электрического замыкания. Настоящая какофония, но ничего похожего на голоса. В отсеке никого больше нет.

От страшной мысли все обрывается. Вдруг команда эвакуировалась без него?!

Нет. Нет. Не может быть.

На борту «Санкт-Петербурга» восемь специалистов, опытные моряки, инженеры, представитель военных, и тринадцать внешне неотличимых от людей андроидов вспомогательного состава, тип А23-в, самые современные. Спасательные гидрокombineзоны в наличии на весь экипаж, но глубинную капсулу рассчитывали на десять мест, для людей, с запасом на случай присутствия пары «гостей». А что, если андроидов перемкнуло, и они тоже захотели спастись?

Павел приваливается плечом к переборке, цепляется за похожие на металлические кишки коммуникации. Зло, отчаянно колотит по задраенному люку. Система внутренней связи не работает. «Нева», искусственный интеллект «Санкт-Петербурга», тоже молчит. Одинаковые в каждом отсеке информэкранчики погасли, внутренняя панель управления бессистемно щелкает клавишами. По функционалу субмарина сейчас вроде дизелей второй мировой, с большинством из которых имеет сходные габариты. Инте-

рьер продолжает ассоциации, айфонникам такое бы точно понравилось. У конструкторов не было цели сделать глубоководную лодку комфортной для экипажа. Они год ужимали размеры корпуса до минимально возможных, чтобы выдерживал давление на сверхглубине. Зато, на «Санкт-Петербурге» появился полноценный отсек для геологоразведочной робототехники, которой заведует брат-близнец Павла, Петр Горяев. Выходы для роботов-манипуляторов устроены там, где у военных расположены торпедные аппараты. Свой аппарат у «Санкт-Петербурга» тоже имеется. Или имелся...

Павел чувствует себя жалким. Жалким, замерзшим, испуганным человечком, застрявшим во чреве гигантской машины. До того, как они поругались, брат вспоминал проглоченного китом Джеймса Бартли. Моряк провел в желудке кашалота шестнадцать часов, прежде чем его случайно спасли, отловив кита и начав разделывать. Петька рассказывал, что Джеймс Бартли помнил, как проталкивался по слизистой трубе ногами вперед, в зловонной тьме без надежды на помощь.

Сколько получится пробыть в металлическом чреве «Санкт-Петербурга»? Есть ли у него эти шестнадцать часов?

Вода сопротивляется, мешает идти. Под ногами болтаются разные мелочи. Павел пробирается к противоположной части отсека. Там тоже люк, но с той стороны вроде бы не хлестало. А потом... Попросту постучаться? В надежде на то, что командный пункт не затоплен, и в отсеке остались

андроиды. Ведь люди... Могут не впустить. Тот самый человеческий фактор. В таких ситуациях каждый сам за себя, человек человеку волк. Раньше так говорили. Мир изменился, а люди... Люди всегда и везде одинаковы.

Он хромает, хватаясь за все, что выступает и попадаетея под руку. Огибает крашенный охровой краской кофр, – внутри что-то постукивает, равномерно, как метроном. Огибает кофр, и только тогда замечает выступающие из воды ноги в темно-синих рабочих штанах и в одном дырчатом тапочке. Второй тапочек как кораблик плавает рядом.

«Сорок одна дырочка», – тупо думает Павел, глядя на неподвижные ступни.

Бот останавливается возле разноцветного здания детского сада. У Петра две дочери. Четырех и шести лет.

«Идеальный возраст. Еще сладкие и наивные, но уже многое понимают и слушаются», – обещала менеджер, пока готовился договор. «Смею напомнить, мы будем рады, если вы к нам обратитесь, когда захотите сменить детям пол или возраст. Для повторных клиентов у нас скидка, можем сделать двадцать процентов».

Большинство малышей уже разобрали. В группе остались только дочки и мальчик, выстраивающий длинные линии из разноцветных грузовичков. У людей это один из явных признаков аутизма, но продвинутые машины так пребывают в энергоэффективном режиме. Впрочем, мальчик позапро-

шлой модели.

– Папа! – кричит старшая, Женя. Подскакивает, обнимает за бедра ручонками и упирается в живот тверденькой головешкой. – Мы сегодня клеили фантастические цветы. Вон мой, с лепестками-сердечками. Нравится?

Отгалкивая сестру, с другого бока прижимается младшая, Верочка.

– А Тимоша сегодня не бился. Мы играли в футбол во дворе, и я ловила мячи, – Верочкины серые глазки лучатся искренней радостью. – Потом мы сели на скамеечку, а она в краске. И... Вот.

Девочка поворачивается, отклянчив пухлую попку. Сзади на джинсах зеленые пятна.

– Мама будет ругаться?

Растерявшись, Петр треплет ее по голове:

– Да ничего страшного... Так. Кто хочет есть пиццу?

Радостный визг девчонок заставляет его улыбнуться. Но на душе по-прежнему беспокойно. Он заглядывает во встроенный в экзоскелет коммуникатор: сплошь переписки, его имя десятое в списке получателей копии. Ничего важного.

– Петр Ильич, ты где? – на информпанели высвечивается круглое лицо Озерова. Необычайно бледное и встревоженное.

Петр делает предостерегающий знак в сторону заднего сиденья бота, и девочки замолкают.

– В «Пикассо» еду, кормить пищей своих птеродактилей.

– В задницу твою пиццу! У нас ЧП, давай, подключайся.

Петр чувствует, как тяжелый, плотный, застрявший в животе ком тревоги наконец прорывается. Из него разливается гадкое ощущение, противное, как подтухшая морская вода. И правда, случилось что-то очень плохое. Петр выдыхает:

– «Петруха»?

– Беда, Петь. Беда. Двадцать минут как не выходит на связь. Сколько тебе до нас ехать?

– Буду через десять минут.

– Жду.

Петр называет робомобилю новый адрес, «Работа», затем смотрит в зеркало на сидящих в автокреслах детей. Они что-то показывают друг другу, похоже, полусъеденный гусеницей листик.

– Планы поменялись. Мы едем к папе на работу, – говорит Петр. Что-то в груди мешает дышать, и слова получаются сдавленными. – Вы... В машине останетесь.

Девочки начинают хныкать:

– А как же пицца?! «Пикассо»? Там детская комната...

– Папа, ты обещал!

– Перейти в режим ожидания, – отрезает Петр, чувствуя себя предателем.

Больше он не смотрит назад, чтобы не видеть неподвижные личики с остекленевшими глазами.

В главном здании все на ушах. Походя кивая знакомым, Петр торопится к Озерову на «мостик», как называют пункт наземного управления. Ему по-прежнему дурно, но экзоскелет уверенно перемещает обмякшее тело. Помпа имплантирована в подкожную клетчатку в области живота, она дозированно подает лекарство в спинной мозг и устраняет патологическое напряжение мышц. Дубовую спастичность, которой печально известен церебральный паралич.

Без помпы Петра скрутило бы так, словно его выпилили из дерева. Прикованный к постели Буратино, вот кем он был в детстве. Свой сегодняшний облик его бы тогда восхитил. Металлопластиковый остов, собранный из сочлененных между собой нанороботов, держит накачанное медикаментами тело, от рождения не способное двигаться самостоятельно. Вытряхни Петра из экзоскелета, и он растечется по полу. Электрические микрочипы управляют лицевыми мышцами, не позволяя гримасничать, еще один чип контролирует голос и интонации. Ему даже удалось справиться с контролем за физиологическими опрвлениями.

Но всю эту роскошь Петр получил, уже будучи востребованным специалистом. Принесшие мировую известность нанороботы случились далеко не первым проектом.

Он перестал быть прикованным к постели калекой благодаря самоотверженной помощи брата-близнеца, Павла. Павла, родившегося раньше на десяток минут – и на целую вечность. Только Павел всегда верил в Петра. Павел был Павли-

ком, помогал ухаживать за собой, есть, делать уроки, учиться, когда погибли родители. Хлопотал с первым перспективным проектом. Они собрали все, что у них двоих было, а на недостающую сумму взяли огромный по тогдашним меркам кредит, – и получилось заказать примитивный экзоскелет...

Даже концепцию нанороботов Петру подарил Павел. Отдал и самоустранился, позволив дорабатывать ее самому. Так что лавры создателя достались только Петру.

Сейчас нанороботы одна из самых прибыльных и перспективных областей. Программирующиеся типовые элементы, например, батарейка, управляющий модуль, сочленение или обшивка, позволяют конструировать дроны для работ любой сложности.

«Мои муравьишки», – так зовет их иногда Петр.

Хотя, Павлу тоже жаловаться не на что. В АО «ЗАСЛОН» он на своем месте. Карьеры братьев давно развиваются параллельно. Петр остался в подразделении разработчиков, а Павел перешел из инженеров в управленческий корпус.

И вот Павла понесло на «Санкт-Петербург»! Первый экспериментальный поход, всякое может случиться. Зачем рисковать?! Если приспичило, Петр смог бы заняться подводным туризмом спустя несколько месяцев. Тогда реальные риски были бы уже отработаны. Но нет! Нет! Уперся, первый поход ему подавай. Хочет лично участвовать, утопить, так сказать, свое детище.

Честно, Петр не идиот. Он пытался отговорить брата.

Они поругались и не общались целых два дня. Переубедить упрянца не вышло. Так что это Петр во всем виноват.

Нужно было сильнее давить. Да что там, попросту не пустить Павла. Договориться, чтобы не поставили визу. Потому как, во-первых, для АО «ЗАСЛОН» брат ценный сотрудник. Во-вторых, целостность его состояния благотворно сказывается на моральном духе другого ценного сотрудника с точно такой же фамилией.

И сейчас Павел был бы здесь, в этом пахнущем кофе и свежим ремонтом фойе, всклокоченный, в съехавшем на бок галстуке. Он любит галстуки, вот же чудак.

Если для помощи брату нужно вырвать сердце и высколотить из своей кожи, Петр не задумываясь это исполнит.

Вид стен с объемными светодиодными постерами раздражает Петра. Фотографии представляют более чем полувековую историю проекта. Словно здешние сотрудники могут что-то забыть.

Вот жмут друг другу руки и улыбаются в камеру представители АО «ЗАСЛОН» и Курчатовского института. Они только что объявили: синтезирован новый стабильный трансурановый элемент! Этот элемент получил название «русий». Такое панно есть и в кабинете Петра. Ведь на нем люди, которых он искренне уважает.

А вот фотография с презентации опытного образца первого прорывного ядерного реактора. Рядом еще несколько

кадров с пресс-конференции: удалось сделать сверхкомпактные ядерные реакторы, их можно использовать на космических кораблях. Один из подобных стоит сейчас на борту «Санкт-Петербурга». Проходит тестовые испытания перед тем, как проект передадут «Роскосмосу».

Долговечные микроаккумуляторы нанороботов Петра также изготовлены с применением русия. До недавнего времени его добыча и синтез стоили шокирующе дорого. А потом подтвердилась гипотеза: между островами Курильской гряды концентрация русия составляет около нуля целых, ноль пятых процента! Остается только поднять породу из недр Тихого океана! Это событие должно стать одним из прорывных моментов для отечественной экономики.

Петр на себе ощущает, с каким недовольством смотрят ученые, инженеры и управленцы. Кажется, сегодня в прямом смысле утонули надежды всех этих людей с фотографий.

– Что с лодкой? – издали кричит Петр.

– Мы ничего толком не знаем! – тоже кричит Озеров, хотя Петр уже успел войти в кабинет. – Связь с судном потеряна, не можем наладить! Но, по прикидкам, они должны быть в этом квадрате, – он тычет узловатым пальцем в голограмму. Рука проходит насквозь, мерцает сине-зеленым.

– Здесь?!

Будь Петр обычным человеком, ему бы пришлось ухватиться за стол, потому что слова Озерова вышибли из-под ног почву. Но экзоскелет удерживает на ногах, с военной вы-

правкой развернув плечи.

– Но тут... – он даже не может закончить. Просто молчит, чувствуя, как чипы посылают импульсы в мышцы лица. Если Петр правильно помнит, в Курило-Камчатском желобе глубина океана достигает десяти километров. Воображение послушно подсовывает картину, на которой толща воды сминая корпус субмарины.

Озеров вытягивает руку из голограммы и растирает лицо.

– Петь, я не знаю... Уже звонили из Москвы. Из Питера. Сюда летит комиссия. Полный атас! Если мы лодку просра...

– У меня брат там, – перебивает Петр.

– А у меня там вся жизнь, – сухо отзывается Озеров.

– Может, у них связь сбоят?

Оказывается, в кабинете присутствует еще один человек. Или андроид? Сходу теперь не поймешь. Симпатичная темноволосая девушка поднимает на Озерова испуганные глаза. Она в старомодных очках с толстыми стеклами. Так что, наверное, все же андроид, у которого кастомные настройки эмпатии.

– Сбоит? Не на «Петрухе», – отмахивается от нее Озеров. – Нет! Решительно невозможно! Скорее поверю, что их Соединенные уложили торпедой. Чтобы мы сильно не торопились.

Петр невидящим взглядом обводит заполненное людьми, мебелью и мерцающими экранами открытое пространство мостика. Выгородка есть только у Озерова, и то, стеклянная.

Внезапно один из сотрудников, рыжий долговязый бородач в футболке-поло со свежим кофейным пятном вскакивает и через весь зал бежит к ним в кабинет. Лицо его озарено искренней радостью:

– Только что подтвердили!

За стеклом начинается суета. Люди кучкуются, галдят и указывают на экраны друг друга. На некоторых VR-очки, они машут руками, как крыльями. За общим гомоном долговязого толком не слышно.

– Заткнитесь все! – взывает Озеров по-старушечьи высоким голосом. Рывком разворачивается. – Вань, говори!

– Сейсмологи прислали данные. Их спутники только что завершили сканировать рельеф дна в районе Камчатско-Курильского желоба.

– Курило-Камчатского! – визжит Озеров. – У меня через пять минут совещание!

– Там же сейсмоактивная зона, Платон Георгиевич, рядом субдукционка. Рельеф дна опять поменялся, понимаете? Здорово так поменялся. Последние лет сто пятьдесят возле желоба какая-то своя чертовщина творится, – Ваня сбивчиво, с порога пытается объяснить.

На голографическом экране Озерова сменяется карта. Теперь там демонстрируется рельеф дна от сейсмологов. Петр шагает вперед. Не может усидеть на месте и очкастая девчонка-андроид, тоже подходит, проводит пальчиками, двигая изображения и диаграммы. Забыв об субординации, они

плечом к плечу стоят вчетвером, Петр, андроид, задыхающийся Озеров и этот Ваня с пятном.

– Помните, как на прошлой неделе трясло? – говорит Ваня. – «Санкт-Петербург» мог врезаться... Ну, как это сказать? Короче, сами карту смотрите. Вот, видите? Это новый подводный вулкан. А здесь он как бы изнутри вылез наружу, пласт теперь сбоку торчит. Наверное, об эту штуку наша лодка ушиблась.

Глаза Озерова выдавливаются из орбит:

– Эхолот мы на «Петруху» не ставили?! Ты мне это хочешь сказать!? Как можно не заметить вулкан?

Ваня разводит руками:

– Ну. Мало ли.

«Как выпрыгнул, как выскочил...», – шепчет Петр, вспомнив сказку, которую по старинке сам читает девочкам на ночь. Вводные от сейсмологов вселяют надежду. Он видел слишком много странных вещей. Произошедшее вписывается в картинку обычного хаоса.

– Сердце болит, – стонет Озеров, оседая.

Его подхватывает Ваня, помогает устроиться. Девушка-андроид ладонью сканирует состояние, словно из ниоткуда достает наполненный прозрачной жидкостью шприц. Петр не следит, как она ставит укол, всем его вниманием снова завладела карта рельефа.

– «Санкт-Петербург» может быть чуть левее, вот здесь, – говорит он долговязому Ване. – Тут глубина около тысячи

пятисот. И если лодка столкнулась с вулканом, она...

Петр замолкает. Горло пережимается спазмом, даже чип не способен помочь.

Что там, на «Петрухе», случилось? Почему подвела навигация? Кто виноват? Серафим Львович?! Хочется вцепиться этой сволочи в горло, и душить, и трясти...

Если бы Серафим Львович присутствовал сейчас на посту, Петра уже пытались бы от него оттащить.

– Платон Георгиевич, вас ждут на совещании. Москва.

– Коллеги, не расходимся, – грузно поднявшись, Озеров деревянной походкой покидает свой кабинет.

– Я пойду, подышу, – минуту спустя Петр говорит долговязому Ване. Невозможно торчать здесь в бездействии. Его не потеряют, всю информацию сразу же сбросят в коммуникатор. Отпустят Озерова, и Петр вернется.

Только у замначальника Петр вспомнил, что забыл компьютер в машине. На нем гриф секретности, по рабочим вопросам запрещено пользоваться сетью и облаком, технику, вон, индивидуальную выделили, ретробук, похожий на те, что использовались во времена динозавров. А он хорош гусь, по-простецки оставил его лежать на сиденье. Сквозь стекло издали видно.

Да тут что угодно забудешь! Все, кроме бедствующего «Санкт-Петербурга», теперь кажется незначительным.

Петр подходит к робомобилю. Дверь перед ним открыва-

ется, геометрия салона меняется, и сиденье разворачивается лицом к детям. Петр с тихим скрипом садится, вглядывается в милые личики. Реалистичные, с крохотными родинками и голубыми прожилками вен, у Верочки шрамик и царапина на щеке. Вечные дети. Не настоящие. Самые лучшие. Просто подделка.

В следующий момент металлическая рука Петра произвольно сжимается и переламывает полный секретов ретробук пополам. Он не может удержать вскрик, – от боли, но больше от ужаса. На борту «Санкт-Петербурга» тестируется компактный атомный реактор, самый мощный из существующих в мире. Если предположить, что лодка осталась сидеть на рельефе, она наверняка получила сильнейшие повреждения. По идее, реакция должна быть приостановлена, но... Из-за аварии там все может рвануть!

Ученые много раз моделировали поведение развороченного атомной бомбой вулкана. По их мнению, со стороны вулкана это не повлечет глобальных последствий. Слишком аккуратное заявление для тех, кто не может делом подтвердить гипотезу. Так что, это теория. А в жизни?

В жизни раз в год и палка стреляет. Навороченные инновационной техникой лодки врезаются во взявшиеся неведь откуда вулканы. С реакторами происходят неучтенные ситуации. Уникальные сейсмически активные зоны реагируют неожиданно. Сам по себе взрыв может вызвать цунами столь чудовищной силы, что береговую линию попросту смое.

Уничтожит Русийград, сметет разноцветные городишки айфонников, от гигантской волны пострадает Авачинская губа, а там Петропавловск-Камчатский, пункт базирования Тихоокеанского флота, Вилючинск... Под удар попадут и острова Курильской гряды.

Если «Петруха» не утерян, то на редкость неудачно сидит. Как магнитная мина, прилепился по линии месторождения русия. Его детонация затронет разведанный пласт породы на глубинах, к которым есть техническая возможность добраться. Тихоокеанский русий рискует остаться утраченным на многие годы.

Тут же случается припадок у коммуникатора. Динамики беспилотника взрываются извещениями. Согласовали эвакуацию. Видать, совсем плохи дела...

Дети по-прежнему в ждущем режиме, неподвижные, с неестественно широко распахнутыми глазами.

Петр сам удивляется, когда говорит:

– Я люблю вас, – и от всего сразу ему хочется разрыдаться.

– Папа! Поехали есть маргариту? Ну пожаааалуйстааа...

– хнычет Женя, отчего-то включившись. Мертвая Верочка продолжает сжимать в кулачке увядший листок.

– Я люблю вас, – с нажимом повторяет Петр, словно пытается с кем-то поспорить. – Малыш, пожалуйста, вернись в спящий режим.

Они столько времени продолбали впустую! Видимо, решали, можно ли светить катастрофу. А теперь нужно успеть

эвакуировать вглубь материка население. Эвакуировать под благовидным предлогом, конечно. Потому что официально внештатной ситуации с М216 «Санкт-Петербург» по-прежнему нет, погружение проводится в режиме строгой секретности.

Петр называет геолокацию бортовому компьютеру, сгребает обломки ретробука, выскакивает из робомобиля и бежит в офис так быстро, как, наверное, ни разу в жизни не бегал. За его спиной робомобиль разворачивается. Он должен доставить детей туда, где, по мнению Петра, безопасное место.

Хоть бы успели.

Хорошо, что Соня сейчас далеко. И разобрана, ни о ком не волнуется.

– ...Они так и не вышли на связь. А нам до них никак не добраться... Епты! – рухнув в кресло, Озеров трясущимися руками наливает стакан воды из графина. – Твой же плешивый венткороб, Петя! Мы столько денег и времени утопили! Ты бы слышал, что мне сейчас сказала Москва!

Петр смотрит в постаревшее лицо замначальника. Он все понимает.

– Население оповещено. Начата плановая эвакуация с береговой линии, – отстраненно сообщает подключившаяся к сети девушка-андроид.

– Нет у нас второй такой глубоководной машины. Пове-

ритель не могу, что это случилось. Какой-то сон, а проснуться никак не выходит, – говорит Ваня, теперь с мокрым пятном на груди. Костяшки у него на руке красные, стертые, а руки разбухшие от воды. Видимо, заметил пятно и неистово застирывал в туалете. Потому что тоже не вышло бездействовать. – Но может, они сами, изнутри как-то починятся? Там тринадцать андроидов, у каждого в базе технический протокол.

Какой пустой разговор, сообщают друг другу очевидные вещи. Распирает, молчать невозможно. Петр прижимает скончанные в экзоскелет руки к лицу, расставляет пальцы, прикрыв ими нос и упершись себе в переносицу. Начинает мерно раскачиваться.

Вперед-назад. Павлик на «Санкт-Петербурге». Вперед-назад. Петька дурак.

– Лодку ищут военные.

– Но...

– Вань, не перебивай старших! Они даже на дне адского котла ее нащупают, будь уверен. А когда найдут, – Озеров поднимает покрасневшие глаза на Петра. – Извини, Петь, я по-простому. Сил нет слова подбирать. Если «Санкт-Петербург» невозможно вернуть, они прицельно выбьют то, что осталось от лодки. Сбросят «Петруху» на дно желоба, там до наших секретов уже не добраться. Оставлять ее торчать там нельзя, это шведский стол для Соединенных.

– Но... – потрясенно выдыхает Ваня. – Нельзя же так...

– А ты хочешь дать Соединенным наши лучшие технологии? Прямо на блюдечке поднести? Нате, тырьте! Вот вам самый мощный в мире компактный реактор. Получите-распишитесь?!

Петр сквозь стеклянную стену смотрит на панно с фотографией счастливых представителей АО «ЗАСЛОН» и Курчатовского института. Ему больно от того, с какой надеждой они глядят в будущее. Среди них мерещится Павел. Он тоже улыбается, стоит чуть в стороне от других. Одет в любимый темно-синий костюм и в один из своих удушающих галстуков.

В этот момент в голове у Петра все проворачивается. Как в калейдоскопе, из привычной картины складывается нечто иное. Его озаряет, что нужно сделать.

Почему никто из них раньше не догадался?!

– Платон Георгиевич, у нас на верфи заморожен тестовый М126, «грузовичок». Помните? – говорит Петр.

«Грузовичок» – одноместный бот с титановым прочным корпусом и прототипом компактного ядерного реактора. Большой брат реактора установлен на «Санкт-Петербурге».

Конечно, Озеров помнит. Когда наверху распорядились прекратить транжирить бюджет, замначальника стучал кулаком, зеленел и три дня общался со всеми сквозь зубы. Уж очень он верил в концепцию малотоннажных судов.

– Есть такой. Только что он нам даст? У него испытания проводились на глубине тысяча двести. «Петруха» ниже ле-

жит, раз военные до сих пор не нащупали, – Озеров трясет головой, и его полные щеки дрожат. – Нет, Петь. Это первое, что я прикидывал... Ниже тысячи двухсот «грузовичок» не нырнет. Да и когда я ему консервацию подмахнул? Небось, года три-четыре прошло?

– Пять с половиной лет, Платон Георгиевич. В январе. – Поправляет девушка-андроид.

– Ну вот. Видишь? С тех пор официально к «грузовичку» не притрагивались. А неофициально... Ну, с него Крайневу понадобилось оборудование, что-то они на своей верфи шамалят. Зато, реактор все еще здесь, под замком в Русийграде. Впрочем, хватит трюндеть о пустом. Что он может, этот «грузовичок»? Ничего.

– Ну да. Сам по себе ничего не может. Только глубоководных дронов возить, его же для горного дела спроектировали, – говорит Петр. – Зато я человек, который может управлять «грузовичком» и знает все о программировании дронов.

– Ты? Это ты человек?! Да ты такой же дрон, как твои железяки! – упершись в стол, Озеров аж поднимается. Лицо его багровеет. Кажется, замначальника собирается закричать, но вместо этого возвращается в кресло. Сдавшись, Озеров вздыхает. – Ладно. Давай, говори.

И Петр рассказывает:

– Вы готовите для меня «грузовичок» и быстроходное судно обеспечения, чтобы до Курило-Камчатска подкинули. За

это время я собираю колонию муравьишек и пишу программу внедрения их оперативки в «Неву». Просто представьте: «грузовичок» способен нести два трансформирующихся глубоководных дрона. Конструктивно они ничем не отличаются от поставленных на «Санкт-Петербург». Значит, внизу мы получим несчетное количество комбинаций и форм. Многоцелевое использование, все как вы любите. В качестве аргумента напомню, что с дронами на борту буду я.

– Ты бредишь.

– У меня есть допуск, – упирается Петр. – К тому же, никто другой там не справится. Просто соберите мне «грузовичок».

Озеров все-таки начинает кричать:

– Петь, ну че ты на рожон лезешь?! Мир спасти распирает?! А если глюкнет экзоскелет? Или еще что-то подобное? С тобой список рисков на три экрана, не меньше. Пойдет что-то не так, и... Все. Понимаешь? Останешься за пультом как коротнувший андроид. Ты же без вот этого вот, что на тебе, – Озеров неопределенно крутит в воздухе пальцем, – па-ра-ли-тик. Еще и второй реактор угробишь.

Повисает неприятная тишина. Озеров печально заканчивает:

– «Грузовичок» с тыкву размером. Два дрона туда только и влезут. Что они могут сделать? Ээх... Капля в море.

Не участвующий в споре Ваня смотрит поочередно то на Озерова, то на Петра. Взгляд у него такой же, как у всех

остальных, здоровых и красивых. Как интересно устроено в людских головах: дроны на борту вопросов не вызывают, зато инвалид в экзоскелете, состоящем из тех же нанороботов, – три экрана рисков, не меньше...

Петр пробует объяснить:

– Капля камень точит, Платон Георгиевич. Но вы не думайте, на двух дронах свет не сошелся. В общих чертах представляю операцию следующим образом: «грузовичок» подходит как можно ближе, я подцепляюсь к «Неве», параллельно пробую дистанционно перепрограммировать горноразведывательную технику на борту «Санкт-Петербурга». Провожу диагностику и с помощью колонии нанороботов осуществляю спасательную операцию. Как именно, посмотрю. Возможно, придется совершить несколько ходок за дронами.

– А если там битый металлический огурец? И на борту ничего не работает?

– Будем действовать по ситуации. В крайнем случае попробую извлечь с лодки реактор, – отвечает Петр, недовольный зыбкостью собственного предложения.

Это пустые слова, не подкрепленные реальным планом. Сейчас Озеров пошлет его восвояси.

Но Платон Георгиевич грузно съезжает по спинке своего огромного кресла. И говорит почти что из-под стола:

– Я не уверен, что могу позволить тебе рисковать головой. Понимаю, у тебя брат на борту. Я знаю, что вы очень дружны. Да и вообще... Ты не думай, Петь, мы все уважаем и ценим

Павла Ильича. Но твой план выглядит самонадеятельностью.

– Самодеятельностью? – переспрашивает Петр.

– Нет, именно что самонадеятельностью. Петь, ты слишком много о себе думаешь. И слишком много берешь на себя. Конечно, ты у нас уникам. Но...

Петр грохает металлическим кулаком по столу. Озеров аж взвивается, оставшись сидеть с прямой спиной и потрясенным лицом.

– Платон Георгиевич, да услышьте вы меня наконец! Если случится цунами или наши силовики затопят «Петруху» вместе с реактором, от моей уникальности пользы не будет! Давайте, я еще раз повторю, сколько денег мы с вами отправим на дно? И как родину подведем? Вы хоть понимаете, что это не вас, не меня, не Павла Ильича, даже не весь АО «ЗА-СЛОН» разом касается?! Это русий! Русий про всех! Это будущее всей нашей страны. Русий будущее каждого человека, понимаете?

Он задыхается, глядя на паутину из трещин, расплзшихся по лаковой столешнице. Какие патетические слова. И ведь правда, ни одно не оспоришь.

– Платон Ильич, в случае обнаружения лодки на приемлемой глубине, вероятность положительного исхода операции более шестидесяти пяти процентов, – включается девушка-андроид.

– Это ты сама только что сочинила?!

Вместо ответа андроид снимает очки и начинает их про-

тирать сжатыми в горстку пустыми пальчиками.

– Проклятый искусственный интеллект! – Озеров оглядывает присутствующих выкаченными глазами.

«Как они в его голове еще держатся?» – удивляется Петр.

– Мне нужно согласовать. А ты пока пиши программу, безумец.

– Не могу. Я случайно сломал ретробук.

– Сделай с этим что-нибудь сам! – орет Озеров из дверей кабинета.

Следующие семь часов Петр переселяет компьютер, пьет кофе и программирует. Есть он не хочет, даже крохотный кусочек не лезет. От избытка кофеина сердце начинает колотиться. Кисловатая темная жижица стоит где-то под горлом.

То, что их еще не смыло цунами, вызывает осторожный оптимизм. Военные дежурят над Курило-Камчатским желобом. Лодку они успели нащупать. Она лежит на глубине тысячи пятисот тридцать двух метров. Похоже, носовая часть разворочена, как раз там, где хранилось горнодобывающее оборудование. Хоть бы Павла не занесло туда перед аварией.

Петр отмечает, что в главном корпусе стало как в выходной день малоллюдно. Часть сотрудников то ли отозвана в эвакуацию вместе с семьями, то ли сбежала, услышав про риски для жизни.

На восьмой час непрерывной работы Петр перестает соображать. Его накрывает ватная усталость, глаза слипаются.

Он ложится на диван и просит разбудить себя через полчаса.

Тридцать минут спустя девушка-андроид ставит перед ним кружку витаминного раствора и треугольник сандвича, лежащий на экране планшета. Петр сонно смотрит на технологичную замену тарелке.

– Вам нужно восстановить силы, – говорит девушка-андроид.

– Мне кажется, вам тоже, – стонет Петр, садясь. Со сна его знобит и потряхивает, но в голове прояснилось.

– Платон Георгиевич просил проинформировать, что бот будет передан на погрузку через сорок минут. Вас уже ждут на вводном инструктаже в доке. Но сначала... Легкий завтрак. Приятного вам аппетита.

Петр берет сандвич, оставивший маслянистый отпечаток на поликристаллическом кремнии:

– А вы зачем мне бутерброд подали на планшете?

– Это тарталетка, – обижается девушка-андроид. – Кушайте.

Инструктаж проводит старший механик. При этом присутствует делегация: представители военных, глава Русийграда, старший менеджмент АО «ЗАСЛОН», десяток инженеров-механиков, только что закончивших собирать «грузовичок» из частей. Все с пепельными, напряженными лицами. Петр радуется, оставшись в одиночестве внутри кабины, выкрашенной в уродливый охровый цвет. Обстановка сна-

ружи его угнетает.

Теперь старший механик общается посредством коммуникатора. Они бегло проходятся по приборам, системам, возможным кризисным ситуациям. Повторный инструктаж будет произведен во время транспортировки. В это время дроны самостоятельно загружаются. Петр приглядывает за их перемещением с помощью экранчика слева от поста, там транслируется запись с камеры грузового отсека.

Все будет хорошо. Все получится. Уже нельзя сомневаться.

Серьезные люди верят в него. И там, на глубине, тоже верят. Остается только самого себя убедить.

– Я готов, – говорит Петр, отсекая сомнения.

После «Санкт-Петербурга» экспериментальный «грузовичок» кажется примитивным. Петр прежде не спускался на борт субмарины, но в подлодках кое-что понимает, при получении допуска сдавал экзамен, как и все остальные. С коллекцией приборов должен справиться.

Впрочем, его знания о гораздо более сложном «Санкт-Петербурге» полны белых пятен размером с Камчатку. Попросту не его профиль. Даже если получится наладить связь с субмариной, он рискует облажаться сотней умопомрачительных способов. Не только потому, что нет узкоспециальных навыков. Все происходящее на сверхглубине одно большое слепое пятно...

Согнувшись, Петр выбирается из рубки «грузовичка»,

проходит по трапу. В конце длинного как тоннель дока виднеется полукружье звездного неба. Океан под ним кажется плотным и темным.

Люди смотрят на Петра, как на миссию. Раньше Петр отметил бы эти взгляды, так отличные от привычных, сочувствующе-брезгливых. Но сейчас ему наплевать. Он тепло прощается с присутствующими в доках.

Последним подходит Озеров:

– Петь, ты уж смотри, чтобы наше акционерное общество не превратилось из «ЗАСЛОНА» в «ЗАТОН». Хорошо?

– Постараюсь, Платон Георгиевич, – они пожимают руки.

– Ну, с Богом, – вздыхает Озеров с таким лицом, что Петр ждет, вдруг тот его сейчас перекрестит.

Страшно. Страшно, что Петру движение только мерещится, а на самом деле приборы сбоят. Вдруг он завис неподалеку от военных и выгрузившего «грузовичок» судна обеспечения? И непривычные ощущения обманка психосоматики?

На командном посту нет ничего, что дает представление о происходящем за бортом. Экран с графической симуляцией выглядит как насмешка. Космонавтам в этом смысле полегче, у них есть визуальные иллюминаторы.

А Петр... Петр где-то в нигде.

Какие глупые мысли... Он в смоляной толще соленой воды, будто в янтаре муха. Но думать об этом еще более страшно.

Каждые десять метров глубины давление увеличивается на атмосферу. Металлическая ловушка сжимается медленно, исподволь. Слышны звуки двигателя, шуршит вентилятор, поочередно попискивают оповещения бортовых систем. Булькает сонар, жутковато, с равными промежутками. От этих звуков Петр еще острее ощущает собственное одиночество. И тяжесть ответственности, которую он посмел на себя взять.

Достоин ли Петр стать единственной надеждой для оставшихся наверху? А для тех, кто, может быть, сейчас задыхается, тонет, горит? Сходит с ума там, в неизвестности?

Тысяча сто метров.

«Грузовичок» в очередной раз сигнализирует об изменившемся рельефе желоба. Показания приборов совпадают с моделью сейсмологов.

Тысяча сто пятьдесят метров. Петр переключается на полуавтоматический режим.

Тысяча сто шестьдесят, тысяча сто семьдесят, тысяча сто восемьдесят, тысяча сто девяносто... Тысяча двести.

Приборы начинают пищать, сверху что-то гудит, надрываясь. Система безопасности реагирует включением неприятно розового освещения. Петр не помнит, можно ли его отключить.

«Испытательная глубина достигнута. Требуется остановить погружение», – сообщает «грузовичок» неотличимым от живого синтезированным женским голосом с тщательно

выверенной доброжелательной интонацией. Петр выключает голосовой динамик и останавливает субмарину, зависнув на рекомендованной глубине.

Непривычное, дезориентирующее ощущение слепоты. Остается верить приборам. Он снова проверяет сигнал – ничего!

Петр сплевывает сквозь зубы короткое бранное слово, и барабанит пальцами по кофру пульта управления. Нет... Он все еще далеко. На таком расстоянии у него не получится.

Тряхнув головой, Петр тянется к рулю. «Грузовичок» спускается ниже на двадцать... Тридцать... Пятьдесят метров. Система безопасности продолжает истерику. Динамик бортового помощника выключен, и вместо голосовых предупреждений бот пытается добиться своего отрывистыми сигналами. Донимает, точно будильник.

Петр перепроверяет все датчики: по каждому достигнут предел. В очередной раз пытается связаться с «Санкт-Петербургом». Нет контакта.

Задержав дыхание, Петр спускает «грузовичок» еще метр, два, пять, десять. Водные тиски обжимают подлодку, прочный корпус начинает трещать и поскрипывать. Звук исходит, кажется, отовсюду. Петру представляется, как под давлением расползаются сварные швы, и из щелей в отсек хлещет вода.

По спине течет пот, мокрая одежда прилипла. Кажется, сгенерированный установкой воздух сжимает Петра с той же

силой, с какой океанские воды сдавливают корпус «грузовичка».

«Это психосоматика», – убеждает себя Петр. «Не ведись». Лодка выдержит. У них в «ЗАСЛОНке» не держат фуфла. Еще десять метров.

Нет контакта.

Под носом у Петра что-то теплое. Он шмыгает, чувствуя металлический привкус, проводит рукой по губе. Надо же, кровь.

Страшно как-то первобытно, по-скотски. Страшно аж до сердцевинки нутра.

Петр пытается успокоиться, думать о чем-то приятном. Вспоминаются спящие дочери. И этот дурацкий вялый листик у Верочки. Нужно было закрыть им глаза. Они ведь остались в робомобиле, одни, на плато смотровой. После объявления об угрозе цунами там, наверное, столпотворение айфонников, не желающих далеко отходить от домов. Но не только айфонников, будет полно всякого сброда. А что, если с детьми что-нибудь сделают?! Украдут на перепродажу, а то и вовсе разберут на запчасти? Ведь девочки кастомные, самые дорогие на рынке модели андроидов. Захотят угнать робомобиль, а там дети в салоне. А Соня? Соня разобранный в ремонте. Если на склад поступят детали, а он вовремя не оплатит заказ, ее... Даже думать не хочется!

Почему не попросил знакомых присмотреть за семьей? Да потому что Павел на «Санкт-Петербурге», а больше никто

их не воспринимает всерьез.

«Ладно, двигаем дальше», – говорит себе Петр, возвращаясь в реальность.

Он крепко зажмуривается и снова переключает руль в положение «вниз». Опускает лодку еще на десять метров. Сердце колотится, Петр обнаруживает, что дышит громко, как рыба заглатывая ртом воздух.

Раздаются кошмарные звуки, словно готовят свинцовый попкорн. Пожалуй, это предел живучести. Тот самый. Реальный. Черта, ниже которой опуститься нельзя.

Была не была! Петр задерживает дыхание до рези в груди, пока перезагружает систему. Соединения нет. Ну пожалуйста! Пожалуйста!

Нет соединения.

«Пожалуйста...»

Кого он просит? Кому мысленно молится? Каким-то своим наноэлектронным богам?

А брат рядом. Рядом «Санкт-Петербург». И залежи бесценного русия тоже. Все близко – и так космически недостижимо.

«Ладно, попробуем по-другому», – Петр разворачивается на крутящемся кресле к ретробуку, уже интегрированному в системы «грузовичка». Сейчас он десантирует дронов. Остается призрачный шанс с помощью них усилить сигнал.

Бот кряхтит, перемигивается, матерится оповещениями, но выдерживает операцию в штатном режиме. Все происхо-

дит так гладко, что Петр не сразу верит удаче.

Роботами он управляет напрямую, подключившись с помощью экзоскелета. Проблема в том, что его дроны собраны из нескольких типов частей. Только две трети муравьишек успели пройти испытания, и комиссия признала их пригодными к работе в условиях добычи. Еще треть коробочная, с завода, из большой поставки, пришедшей на прошлой неделе. На глубине их не успели тестировать.

То есть, сейчас все зависит не от Петра. А от того, допущен ли брак на производстве. Два процента неработающих элементов получится компенсировать. Два, но не больше... Петр выстраивает дроны, внимательно следя за их неторопливым погружением. Он всматривается в данные на экране так, что от сведенных бровей болит лоб.

И тут...

Приходит сигнал: есть контакт!

Петр дышит еще быстрее и громче. По лбу опять течет пот, ест глаза. Голова кружится. Кровь из носа капает на пульт управления. Все на центральном посту словно становится жидким, теряет плотность и растекается. Прорезиненное кресло, решетка металлической палубы под ногами... Как воск, оплывают переборки, сплошь покрытые вентилями, клапанами, трубами, коробами с приборами, какими-то нагелями и еще черт знает чем. В глазах начинает темнеть. Петра закручивает, стягивая с кресла. Кажется, он сползает...

Нет! Нельзя. Сейчас нельзя отключаться. Тем более, упасть ему экзоскелет не позволит. Или позволит? Ведь экзоскелет управляется нервной системой.

– Я «Санкт-Петербург». Я «Санкт-Петербург». Я «Санкт-Петербург». – Прорывается голосовая расшифровка сигнала.

Петр аж всхлипывает.

– Я бот M216, – трясущейся рукой он подносит к губам стакан. Стекло прыгает, бьется о зубы. Почти пустой, стакан кажется тяжелым как камень. Петр не может сосредоточиться, чтобы построить фразу, следуя правилам морской связи. Поэтому спрашивает по-простому. – Что с вами? Сколько живых на борту?

Отвечают так же просто:

– Не знаю. Мы в командном отсеке, к соседним отсекам доступа нет. Авария в носовой части корпуса, был сильный удар, звуки взрыва, трясло. Кажется, нас бортом протащило. Реактор остановлен. Все андройды при аварии отключились. Герметичность лодки нарушена, нас подтопляет. Кислород больше не генерируется, дышать становится тяжело. «Нева» сбоят, и вообще, здесь ничего не работает. Я починил только длинноволновую связь

Женский голос сбивает. Петр переключает передатчик на мужской баритон.

– С кем я говорю? – он задает самый трудный вопрос. И хочет, и боится услышать ответ.

Как громко гудит что-то в ушах. Ах да, вентиляция.

– Павел Ильич Горяев, наблюдаю...

– Пашка! – вырывается у Петра.

– Петька, ты что ли?!

– Ты чего не здороваешься? – Зачем-то говорит Петр.

– Теперь верю. Это и правда ты! Обалдеть! Брат...

– Ага. Я болтаюсь в двухстах метрах над вами. Как кавалерия, на выручку прискакал. Так что давай, в двух словах без казенщины. Что у вас происходит?

– А хрен его знает. Вам снаружи виднее. У нас ничерта не работает, «Нева» мерцает, андройды как трупы валяются. Со мной мичман Розенфот, он ранен. То ли без сознания, то ли заснул наконец, я его трогать не буду. Петь, ты же нас вытащишь? Правда?

Петр кивает, потом спохватывается и говорит твердое «Да».

Параллельно разговору он проверяет свою наносеть. Дроны на борту «Санкт-Петербурга» не отозвались. Должно быть, грузовой отсек вместе с содержимым уничтожило столкновение.

– Что я должен сделать со своей стороны? – Спрашивает Павел.

– Дыши и молчи. – Просит Петр, надеясь на стабильность сигнала. – Я начинаю внедряться в «Неву».

Пять минут спустя картина условно понятна. С горечью Петр признает: брата эвакуировать не получится. Никак. То

есть, совсем никак. Расположенную в передней части спасательную капсулу перекалило после удара, аварийный отсек заполнен водой, спереди тоже не выйти. Тут ничего не исправишь, и Петр переключается на основную задачу. Он должен поднять «Санкт-Петербург» на поверхность. Носовой части у лодки, считай, уже нет. Но сохранившиеся отсеки должны выдержать подъем с глубины.

– Петь, ты тут?

– Тут. Не бойсь. Я подключился к «Неве».

– Ты чертов гений!

– Я чертов гений! – эхом хвалит себя Петр, потому что в этот момент получает новые, на этот раз позитивные вводные. Отозвался один из геологоразведочных дронов, лежащий в грунте неподалеку от лодки. По счастливой случайности его не снесло в глубину Курило-Камчатского желоба. Петр перегруппировывает новых рабочих муравьишек в три дрона поменьше, и стабилизирует связь. Два выгруженных дрона он тоже делит на части.

Передачик оживает, синтезирует голос:

– Тут все скрипит. И капает. Свет погас, только аварийная лампа мигает. Я могу что-то со своей стороны сделать?

– Можешь. Павлик, заткнись! Не мешай думать.

Нужно запустить дронов на «Санкт-Петербург» и попытаться с их помощью починиться. Включить второй, недоступный Павлу резервный генератор и продуть балластные цистерны, а после... Озеров назвал бы эту идею самонадея-

тельной. Брат – гениальной. Но других мыслей у Петра нет.

– Когда скажу,пустишь моих малышей? Нам нужен входной люк под центральным постом.

– Так мы же на грунте!

– А у меня три горнодобывающих дрона. Подожди, я сейчас до тебя докопаюсь. Связь может быть нестабильной. – Предупреждает Петр. – Так, ты помнишь, как выравнивают давление? Сможешь помочь?

– Как?! Если тут ничерта не работает?!

Петр со вздохом упирается в пульт локтями, прячет в ладонях лицо. Так меньше кружится голова. После эмоционального подъема наступил спад, требуются усилия, чтобы хоть как-то собраться.

У Петра есть данные с грифом «секретно» от конструкторского бюро, но ему они не нужны. Он рисует в воображении «Санкт-Петербург», слой за слоем, так, как его чувствует. Наверное, что-то подобное представляют опытные хирурги, когда готовятся к операции.

«Я и правда не человек. Я долбаный дрон», – понимает Петр с отчаянно острой отчетливостью.

– Слушай сюда... – Только бы не лишиться сознания. Петр растирает переносицу и начинает говорить короткими рублеными предложениями, надеясь, что брат запомнит порядок действий и не запутается. Параллельно он программирует, закованные в экзоскелет пальцы летают, дирижируя алгоритмами.

Дроны перегруппировались и бурят под лодкой породу.

– Работает только правая половина балластных цистерн. Сейчас я попробую вас поднять. Скорость всплытия может получиться не до конца контролируемой. Будет жестко. Может, кессонка накроет. Тебе нужно как-нибудь мичмана твоего закрепить. Если сам никак не закрепиться, за что-нибудь уцепись, где не сильно торчит, потому что вас будет вращать аж до самой поверхности. Амирханова предупреди, раз теперь с ним можно связаться.

Павел отзывается отрывистым «Ага».

– Прием. Все готовы? – Спрашивает Петр спустя две минуты.

– Вроде да, – говорит Павел. И неожиданно добавляет. – Спасибо, Петь. Ты самый лучший брат на свете.

Это звучит наивно, по-детски, не к месту. Так, что душу корежит.

Смутившись, Петр командует:

– Поехали.

Дроны действуют самостоятельно, по протоколу. Теперь от Петра ничего не зависит, ему больше не нужно принимать решения лихорадочно быстро. И Петр заново начинает слышать и чувствовать, воспринимать все, что происходит в собственном боте. Слышит какофонию пугающих звуков, горестно всхлипывающий сонар.

Он дожидается двойной сигнал с «Санкт-Петербурга». Приборы «грузовичка» отмечают движение лодки, фиксируют ее приближение. Вскоре «Грузовичок» и «Петруха» оказываются на одной линии. Потом лодка с братом уходит наверх.

На Петра накатывает чудовищная, размером с Тихий океан глыба усталости. Нет, он не дрон. Он маленький, хрупкий парализованный человек, завернутый в металлическую фольгу. Петр переводит управление всплытием «грузовичка» в автономный режим.

Связь с «Санкт-Петербургом» стабильна, позволяет держать руку на пульсе. Наверху дежурят военные и многофункциональное аварийно-спасательное судно, красное, как помидор. Угроза цунами ликвидирована. Брат спасен, Павел пролечится и позабудет о тяге к умопомрачительным красотам глубоководного туризма. «Петруху» отбуксируют на верфь, там посмотрят, что можно сделать. Секретность ректора сохранена. Запасы русия на положенном месте. И вообще, все хорошо.

Петр поднимает голову. Смотрит на крашенный охрой потолок над центральным пультом. По нему тянутся кабели в кофрах, между которыми... Наконец-то Петр видит все, что происходит снаружи. Потолок растворяется в проступающей сквозь него синеве океана, и где-то там, наверху, донную тьму пререзают лучи.

Петр чувствует солнечное тепло на лице. Глаза его зака-

тываются. Он остается сидеть, удерживаемый экзоскелетом.